

За стеной Храма

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Максим Зорин

За стеной храма

«Автор»

2026

Зорин М.

За стеной храма / М. Зорин — «Автор», 2026

Пятнадцать лет назад Павел Черепатый заключил в Индии страшный договор с тёмной силой. В обмен на душу он получил богатство, власть и могущество. Но за всё приходится платить. Однажды Павел приобретает старинный особняк в тихой русской деревне, рядом с православным храмом. Он ещё не знает, что под землёй скрывается древняя тайна, способная изменить судьбы многих людей. Здесь столкнутся вера и колдовство, любовь и предательство, свет и тьма. В центре противостояния окажутся священник, немая женщина из Индии и девятилетняя девочка, от которой зависит судьба древней печати. Сможет ли человек, продавший душу дьяволу, найти дорогу к Богу? И что он выберет, когда на одной чаше весов окажется власть над миром, а на другой — жизнь собственного ребёнка? «За стеной храма» — мистический роман о цене человеческих желаний, силе любви и пути к искуплению.

© Зорин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПИСЬМО МАТЕРИ К СЫНУ	6
Глава 1. Дом у церковной стены	7
Глава 2. По другую сторону стены	11
Глава 3. Цена тишины	22
Глава 4. Чужие шаги	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Максим Зорин

За стеной храма

МАКСИМ ЗОРИН

ЗА СТЕНОЙ ХРАМА

Мистический роман

Полный текст романа · 16 глав

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящается моему любимому сыночку Максиму.

С любовью, которая сильнее разлуки. Пока я помню — ты рядом.

ПИСЬМО МАТЕРИ К СЫНУ

Мой любимый сыночек Максим!

Я пишу эти строки для тебя. Раньше я рассказывала тебе истории перед сном, а теперь складываю их в книги. В каждой написанной странице живёт моя любовь к тебе.

Мне так хочется, чтобы ты знал: я помню твой голос, твою улыбку, наши разговоры и все те простые минуты, которые теперь стали бесценными. Я не могу вернуть время, но могу беречь то светлое, что ты оставил в моём сердце.

Я продолжаю писать, потому что любовь не заканчивается там, где обрывается земная жизнь. Пусть эта история станет ещё одним тихим разговором с тобой — о добре и зле, о выборе, о надежде и о свете, который человек ищет даже в самой густой темноте.

Ты навсегда мой сын. А я навсегда твоя мама.

С бесконечной любовью, мама.

ОБ АВТОРЕ

Максим Зорин — литературный псевдоним Ольги Зориной, выбранный в память о её сыне Максиме.

Любовь к историям началась задолго до работы над романами: когда дети были маленькими, Ольга придумывала для них сказки и рассказывала их перед сном. Со временем эти истории выросли в книги — семейные, романтические и мистические.

Роман «За стеной храма» обращается к вопросам совести, веры, свободы выбора и ответственности за близких. Все произведения автора посвящены памяти сына Максима.

АВТОРСКИЕ ПРАВА

© Ольга Зорина (литературный псевдоним «Максим Зорин»), 2026. Все права защищены.

Текст романа является художественным произведением. Персонажи и события вымышлены; возможные совпадения случайны.

Воспроизведение, распространение и использование текста полностью или частично допускаются в соответствии с законодательством об авторском праве либо с разрешения правообладателя.

Указание литературного псевдонима не меняет принадлежности авторских прав Ольге Зориной.

Глава 1. Дом у церковной стены

Октябрь 2026 года. Тверская область.

К вечеру дождь прекратился, но дорога к Михайловке оставалась чёрной и блестящей, словно её только что покрыли лаком. В свете фар мелькали голые ветви яблонь, покосившиеся заборы и редкие окна деревенских домов.

— Мы точно туда едем? — спросил водитель.

Павел Черепатый не поднял глаз от телефона.

— Адрес я тебе отправил, Виктор. Другого у меня нет.

— Навигатор показывает, что дальше тупик. И странно: минуту назад здесь была развилка, а теперь на экране одна прямая дорога.

— Значит, доедем до тупика.

С заднего сиденья послышался тихий смех.

— Папа, а если там правда тупик, мы будем жить прямо в машине?

Павел повернулся к дочери. Девятилетняя Мария устроилась у окна, прижимая к груди альбом для рисования. В дороге она успела изобразить дождевые тучи, смешного воробья и Виктора за рулём — с такими огромными ушами, что водитель, увидев рисунок, едва не съехал в канаву от смеха.

— Будем, — совершенно серьёзно ответил Павел. — Тебе достанется багажник.

— А маме?

— Маме самое удобное место.

— Тогда я с мамой!

Майя обернулась с переднего сиденья и улыбнулась. Она протянула руку назад; Мария коснулась её пальцев. Женщина не могла говорить, но дочь понимала её почти без слов.

Павел вернулся к экрану телефона. Последнее сообщение от посредника пришло два часа назад: «Ключи у ворот. Хозяин предупреждён». Дом был куплен без осмотра, хотя Павел обычно проверял каждый договор до последней подписи. Но вместе с предложением ему прислали старый план усадьбы: на нём была отмечена дверь под лестницей. Этого оказалось достаточно, чтобы он настоял на покупке. И всё же теперь его раздражало, что решение было принято так поспешно.

Пятнадцать лет назад Павел заключил сделку, после которой привык доверять не только собственным расчётам. Но даже это не освобождало его от неприятного ощущения: кто-то знал об особняке больше, чем он.

— Вон он! — воскликнула Мария.

За деревьями показались два этажа старого особняка. Одна колонна у входа была расщеплена длинной трещиной, плющ оплёл балкон, а в окнах отражалось бледное небо. Слева тянулась каменная ограда. За ней, немного в стороне от дома, возвышалась колокольня небольшого храма.

У ворот Виктор притормозил и заглушил двигатель.

— Красота-то какая, — сказала Мария, распахнув рот от восторга.

— У нас разные представления о красоте, — заметил Павел.

— Просто ты видишь сломанное, а я — то, каким оно станет.

Возражение уже было готово, однако Павел удержался.

Майя вышла из машины последней. Сырой воздух пах листьями и камнем. Она подняла голову к колокольне и невольно задержала взгляд на кресте. На мгновение вспомнились ступени, освещённые тёплой лампой, и чья-то тень в узком коридоре. Майя нахмурилась, будто стараясь удержать ускользающую мелодию из далёкого детства, и поправила на запястье тонкий браслет. Перед ней снова был только незнакомый русский двор.

— Замёрзла? — спросил Павел.

Майя покачала головой, но он всё равно накинул ей на плечи свой шарф. Она поправила его, затем решительно указала на треснувшую колонну и жестом потребовала, чтобы Павел не пускал Марию на крыльцо одну. Павел усмехнулся: спорить с женой в таких вопросах он давно перестал.

— Не спорь. В доме посмотрим, работает ли отопление.

Мария уже бежала к крыльцу.

— Не дальше ступеней! — окликнул отец.

— Я помню!

Виктор нашёл ключ в железной коробке у ворот. Ключ пришлось повернуть дважды, прежде чем замок поддался. Когда дверь открылась, из темноты пахло пылью и холодным деревом.

В прихожей стояло старое зеркало, завешенное тканью. Лестница уходила на второй этаж. На полу лежали сухие листья — их занесло через неплотно закрытое окно.

Слева от прихожей начинался коридор к кабинету, справа открывалась гостиная. Широкая лестница поднималась вдоль внутренней стены, а внизу, под её поворотом, темнела неприкрытая дверь. Майя запомнила расположение комнат с первого взгляда: ей всегда было важно знать, где искать дочь.

— Завтра привезём рабочих, — сказал Павел. — Сегодня ночуем здесь, утром решим, что менять первым.

— А можно я сама выберу комнату? — спросила Мария.

— Можно. Только наверх с Виктором. Перила старые.

Девочка протянула матери ладонь.

— Мам, пойдём со мной? Вдруг там есть комната с видом на храм!

Майя кивнула.

Павел дождался, пока они поднимутся, и лишь тогда достал из внутреннего кармана сложенный лист. Несколько дней назад он получил его в конверте без обратного адреса. На плане первого этажа под лестницей была обозначена узкая дверь, которой не было на фотографиях из объявления. Именно этот лист заставил его поторопиться с покупкой. Кто-то предлагал ему не столько дом, сколько доступ к тайне.

Он сложил лист и убрал его обратно.

— Виктор, под лестницей есть дверь. Пока не трогай.

— Почему?

— Потому что я попросил.

Водитель пожал плечами и отправился разгружать сумки.

Павел остался один. Старый дом жил своей жизнью: скрипели перекрытия, за стенами булькала вода в трубах. Всё можно было объяснить возрастом здания. И всё же Павел не мог избавиться от ощущения, что дом прислушивается к каждому его движению.

— Я здесь, — негромко произнёс он.

Никто не ответил.

* * *

Комната Марии нашлась в конце второго этажа. Там было большое окно, письменный стол и широкая кровать с резным изголовьем. Из окна открывался вид на сад и золотистый купол храма.

— Вот эту! — объявила девочка. — Тут можно рисовать даже зимой.

Майя подошла к окну. На другом конце сада виднелась каменная стена, отделявшая усадьбу от церковной земли. В нескольких местах кладка осыпалась, но пройти через неё было нельзя.

Мария раскрыла альбом и показала матери страницу.

— Смотри, мам, я нарисовала дом ещё в машине. Похоже?

На рисунке действительно был особняк. Но вместо садовой дорожки перед ним тянулись пять ступеней вниз, к маленькой двери.

Майя нахмурилась. Дочь нарисовала дом ещё в машине, прежде чем увидела его за деревьями. Сходство можно было счесть случайностью, но ступени, уходящие под землю, тревожили её сильнее всего. Она указала на них пальцем.

— Это я придумала, — объяснила Мария. — Мне показалось, что у такого дома обязательно должен быть секрет. Как в сказке.

Майя погладила её по волосам, потом взяла карандаш и нарисовала рядом с дверью большой цветок. Мария потянулась за чёрным карандашом, но мать мягко отодвинула его и подала зелёный. Девочка удивлённо подняла брови, а Майя выразительно посмотрела на неё: никаких мрачных красок сегодня.

— Мамочка, ты хочешь, чтобы там был сад?

Женщина улыбнулась и кивнула.

— Тогда пусть будет сад. А страшные тайны нам не нужны.

Она сказала это легко, но Майя почему-то долго не могла отвести глаз от нарисованной двери.

* * *

Ужинали на кухне. Виктор нашёл рабочую плиту, Майя разогрела привезённую еду, а Мария разложила салфетки, стараясь сделать стол праздничным.

— Завтра пойдём смотреть деревню? — спросила девочка.

— Сначала отдохнём, — ответил Павел.

— А церковь?

Его вилка остановилась над тарелкой.

— Что церковь?

— Она рядом. Я хочу посмотреть, какая она внутри.

— Не завтра.

— Почему?

— У нас много дел.

Мария посмотрела на мать. Майя не вмешалась, лишь едва заметно сжала дочери руку под столом.

— Хорошо, папочка, — сказала девочка помолчав. — Тогда я пока нарисую её из окна.

Павел кивнул и заговорил с Виктором о ремонте. Мария слушала вполуха. Её занимало другое: когда ветер стихал, до кухни долетал негромкий звон. Не колокольный — скорее металлический, словно кто-то осторожно задевал ложкой край стакана.

— Вы слышите? — спросила она.

Виктор прислушался.

— Что именно?

— Звенит.

— Старые трубы, наверное.

Павел посмотрел на потолок. Звук повторился — один раз, потом второй.

— Завтра вызовем мастера, — сказал он и неожиданно быстро поднялся из-за стола.

* * *

Перед сном Мария устроилась на кровати с альбомом. Майя помогла ей заплести волосы, поправила одеяло и поставила у изголовья стакан воды.

— Мам, а ты думаешь, у каждого дома есть память?

Майя задумалась, потом написала в блокноте: «Наверное. Но люди могут сделать его счастливым».

— Значит, мы сделаем этот дом счастливым, — решила Мария. — Ты, я и папа. И Виктор немножко.

Майя беззвучно рассмеялась и поцеловала дочь в лоб.

Когда она вышла, Мария сложила ладони, как научила её мама, и тихо произнесла:

— Господи, спасибо за этот день. Береги папу и маму. И помоги нам не бояться нового дома.

Она выключила лампу.

Через несколько минут дверь приоткрылась. Павел заглянул в комнату.

— Не спишь?

— Почти.

— Почти — это как?

— Глаза закрыла, а мысли нет.

Он присел на край кровати.

— Какие мысли?

— Ты когда-нибудь боялся?

Павел помолчал.

— Боялся.

— А что помогло?

Он посмотрел на её маленькую ладонь поверх одеяла.

— Иногда помогает помнить, ради кого ты должен быть смелым.

— Ради мамы?

— И ради тебя.

Мария обняла его.

— Тогда мы будем смелыми вместе.

Павел задержался у её кровати дольше обычного. Потом погасил свет в коридоре и пошёл вниз.

В кабинете его ждал телефон. На экране было новое сообщение с неизвестного номера. Всего четыре слова:

«Ты помнишь свою цену?»

Павел не ответил. Он удалил сообщение, но через секунду оно появилось снова.

Снаружи раздался первый за вечер удар церковного колокола.

На втором ударе свет в кабинете погас.

На третьем Павел услышал за спиной спокойный голос:

— Дом открылся. Теперь начинается самое трудное.

Он резко обернулся.

В дверях никого не было.

А наверху Мария спала, положив ладонь на раскрытый альбом. На последней странице остался незаконченный рисунок: старый дом, храм за стеной и тонкая светлая дорожка между ними. Девочка так и не решила, куда она должна вести.

Глава 2. По другую сторону стены

Октябрь 2026 года. Тверская область.

Первый удар колокола раздался в семь утра.

Майя уже не спала. Она стояла у кухонного окна, держа в руках чашку горячего чая, и наблюдала, как над садом медленно рассеивается туман.

Ночью прошёл дождь. Мокрые ветви яблонь чернели на фоне серого неба, а за каменной стеной возвышался небольшой храм с золотистым куполом.

На колокольне появился человек. Молодой мужчина в тёмной куртке поднялся на площадку, поправил верёвки и на мгновение замер, словно прислушиваясь к утренней тишине.

Затем ударил в колокол. Звук прокатился над деревней, отразился от стен старого особняка и растворился среди деревьев. Майя невольно улыбнулась.

Второй удар прозвучал громче.

— Мамочка!

На кухню вбежала Мария. Волосы девочки были растрёпаны после сна, а на ногах красовались домашние тапочки с заячьими ушами.

— Ты слышишь? Колокола!

Она подбежала к окну и прижалась лбом к стеклу.

— А кто там наверху?

Майя указала на колокольню.

— Ой, вижу! Мам, а можно мы сегодня пойдём туда?

Майя кивнула.

— И внутрь храма тоже?

Женщина улыбнулась и погладила дочь по голове.

Мария уже собиралась задать следующий вопрос, когда в коридоре послышались шаги.

— Что за шум с самого утра?

В дверях появился Павел Черепатый. На нём были тёмные домашние брюки и белая рубашка с расстёгнутым воротником. Гладко выбритая голова с необычными татуировками поблёскивала в утреннем свете. Павел выглядел недовольным.

— Папочка, доброе утро! — радостно сказала Мария. — Там колокола звонят!

Павел посмотрел в окно.

— Слышу.

На колокольне молодой звонарь потянул сразу за несколько верёвок. Над деревней разлился продолжительный звон.

Павел поморщился.

— Да сколько можно терпеть этот звон?!

Он не договорил. Сначала его словно что-то кольнуло в груди. Павел остановился, нахмурился и попытался глубоко вдохнуть. Вместо вдоха вырвался сухой кашель.

— Папа?

Он поднял руку, показывая дочери, чтобы она не подходила. Кашель усилился. Павел схватился за край стола.

Колокола продолжали звонить. В груди будто затянули невидимую петлю. Павел согнулся.

— Папа! — вскрикнула Мария. — Мамочка, что с ним?!

Майя бросилась к мужу. Он попытался отстранить её, но новый приступ заставил его опуститься на колени. Лицо побледнело. На висках выступил пот. Воздуха не хватало.

Майя схватила телефон и набрала номер скорой помощи.

— Не... надо... — выдавил он.

Она не послушалась.

— Папочка, пожалуйста! — Мария заплакала. — Мамочка, помоги ему!

Павел хотел сказать дочери, чтобы она перестала плакать. Не смог.

Звон продолжался. И тогда среди металлического гула он услышал другой звук. Голос. Тихий, почти ласковый.

«Неприятно, Павел?»

Он замер.

«А ведь это всего лишь колокола».

Павел сжал челюсти до боли.

— Замолчи...

Майя наклонилась к нему, решив, что он обращается к ней. Он резко мотнул головой.

«Ты слишком привык, что мир подчиняется тебе».

— Прекрати...

И вдруг звон оборвался. Наступившая тишина показалась оглушительной.

Павел судорожно вдохнул. Потом ещё раз. Кашель постепенно стих. Он сел на стул, откинул голову и закрыл глаза.

Майя уже сообщала диспетчеру адрес, когда Павел схватил её за запястье.

— Отмени.

Она посмотрела на него с возмущением.

— Майя, я сказал, мне лучше.

Женщина высвободила руку и закончила разговор. Затем достала блокнот и быстро написала:

«Ты не мог дышать. Врач должен тебя осмотреть».

— Мне не нужен врач.

Майя не уступала. Она написала ещё одну строчку:

«Ты можешь сердиться на меня сколько угодно. Но я не стану рисковать твоей жизнью».

Павел посмотрел на жену. Несколько секунд они молчали.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Пусть приедут. Только без лишнего шума.

Мария осторожно подошла к отцу.

— Папочка, ты чуть не умер?

Он посмотрел на заплаканное лицо дочери. Его выражение смягчилось.

— Нет, моя хорошая.

— А почему ты так кашлял?

— Наверное, от пыли. Дом старый.

— Но вчера ты не кашлял.

Павел не нашёлся с ответом. Мария обняла его за шею.

— Я очень испугалась.

Он прижал дочь к себе.

— Всё уже прошло.

Но, произнося эти слова, Павел смотрел поверх её головы на колокольню. Молодой звонарь спускался по деревянной лестнице. Павел запомнил его лицо.

Врач приехал меньше чем через час. К этому времени Павел уже успел переодеться и сидел в гостиной с таким видом, словно оказал всем присутствующим большую услугу, согласившись на осмотр.

Медик измерил давление, послушал дыхание, задал несколько вопросов.

— Раньше подобное случалось?

— Нет.

— Аллергия? Бронхиальная астма? Сердечные заболевания?

— Ничего такого.

— Приступ удушья нельзя оставлять без внимания. Даже если сейчас вам лучше, необходимо обследование.

Павел раздражённо поправил манжету рубашки.

— Я понял.

Майя стояла рядом. Когда врач начал собирать инструменты, она протянула ему записку: «Приступ начался во время колокольного звона. Когда звон прекратился, муж сразу смог дышать».

Врач прочитал.

— Совпадение возможно, но причину нужно выяснить. Если приступ повторится, немедленно вызывайте скорую.

Когда за врачом закрылась дверь, Павел повернулся к жене.

— Довольна?

Майя посмотрела на него строго. Потом написала:

«Нет. Я буду довольна, когда ты пройдёшь обследование».

Павел хотел возразить, но вместо этого неожиданно улыбнулся.

— Ты невозможная женщина.

Майя подняла брови.

— И именно поэтому я на тебе женился, — добавил он.

Она покачала головой. Улыбка исчезла с её лица, едва муж отвернулся.

Майя не верила объяснению о пыли. Она слишком хорошо помнила, как резко начался приступ. И как внезапно закончился.

Когда Павел ушёл в кабинет, Майя ещё долго оставалась на кухне. Она убрала со стола нетронутый завтрак, вымыла чашки и остановилась возле окна.

За церковной стеной виднелась колокольня. Майя вспомнила лицо мужа: побелевшие губы, выступивший на лбу пот, отчаянные попытки вдохнуть. За все годы их совместной жизни она никогда не видела его таким.

Она достала блокнот и написала:

«Что происходит с нашим домом?»

Несколько секунд смотрела на строчку. Потом зачеркнула последнее слово и написала другое:

«Что происходит с нашей семьёй?»

Майя закрыла блокнот. Её тревожил не только приступ.

Вчера Павел почти не разговаривал о причинах покупки особняка. Он объяснял всё делами, необходимостью ремонта и желанием отдохнуть от города.

Но Майя знала мужа. Когда Павел что-то скрывал, он становился особенно уверенным. И особенно раздражительным.

Она снова посмотрела на храм. Утренний звон, который показался ей таким красивым, едва не стоил её мужу жизни.

Майя не знала, как это объяснить. Но решила внимательно наблюдать за происходящим.

Через час Виктор стоял перед хозяином в кабинете.

— Найди мне этого звонаря.

— Которого?

— Который утром устроил концерт.

Виктор удивлённо поднял брови.

— А что он сделал?

Павел медленно повернул к нему голову.

— Виктор, я не люблю повторять дважды.

— Понял.

— Узнай, кто он, где живёт и кто разрешает ему звонить в такую рань.

— Так церковь же...

— Я вижу, что церковь.

Виктор замолчал. Павел подошёл к окну. Отсюда хорошо просматривалась каменная стена, за которой начиналась церковная территория.

Он привык, что неприятности устраняются быстро. Если мешал сосед — покупался соседний участок. Если мешал чиновник — находились люди, способные с ним договориться. Если мешал конкурент — конкурент вскоре переставал мешать.

Но сейчас Павел впервые не понимал, с чем столкнулся. Он знал, что произошло утром. Именно поэтому злился ещё сильнее.

— И ещё, Виктор.

— Да, Павел Аркадьевич?

— Вечером мне понадобится полная тишина. Подготовь кабинет к эфиру. Проверь интернет, свет, камеры. Всё должно работать.

— Хорошо.

— И никого ко мне после десяти не пускать.

— Даже Марию?

Павел помолчал.

— Если что-то срочное — сначала постучишь. Но без необходимости не беспокоить.

Виктор кивнул и вышел. Павел остался у окна. За стеной снова показался молодой звонарь. Он нёс что-то тяжёлое, вероятно, ведро с инструментами.

Павел проследил за ним взглядом.

— Посмотрим, надолго ли тебя хватит, — негромко произнёс он.

После обеда Мария гуляла по саду вместе с матерью. Утренний испуг ещё не прошёл. Девочка несколько раз спрашивала, не станет ли папе снова плохо.

Майя обнимала её, гладила по волосам и показывала записку, которую специально написала крупными буквами:

«Папу осмотрел врач. Мы будем за ним следить».

Мария прочитала её уже в третий раз.

— А если он опять начнёт кашлять?

Майя присела перед дочерью и взяла её ладони в свои. Потом указала на телефон в кармане.

— Мы вызовем помощь? — догадалась Мария.

Майя кивнула.

— Хорошо.

Они пошли дальше. Возле старой каменной стены обнаружилась узкая железная калитка. Её прутья проржавели, а замок почти полностью скрылся под плющом. Через решётку виднелась дорожка, ведущая к храму.

— Мамочка, смотри! Здесь можно пройти?

Майя осторожно потянула калитку. Та не поддавалась. Женщина покачала головой.

— Жалко, — вздохнула Мария. — Было бы близко.

Неподалёку стояла старая садовая скамейка. Девочка устроилась на ней и раскрыла альбом.

Она собиралась нарисовать церковь. Получалось плохо. Купол выходил кривым, колокольня — слишком высокой, а крест никак не хотел помещаться на листе.

— Ты её вверх ногами рисуешь, что ли?

Мария вздрогнула. По другую сторону калитки стоял молодой мужчина. Он улыбался.

— Нет! — возмутилась девочка. — Просто бумага маленькая.

— Тогда понятно. Церковь большая, бумага маленькая. Бывает.

— А вы кто?

— Демьян.

— А я Мария.

— Очень приятно, Мария.

Он кивнул в сторону альбома.

— Художница?

— Пока учусь.

— Это хорошо. Я вот рисовать совсем не умею. Даже кошка у меня на рисунке похожа на картошку.

Мария рассмеялась. Майя услышала голоса и подошла ближе.

— Здравствуйте, — сказал Демьян.

Женщина улыбнулась и кивнула.

— Это моя мама, — объяснила Мария. — Она не разговаривает, но всё понимает.

— Я и не сомневался, — спокойно ответил Демьян.

— А вы там работаете? — Мария показала на колокольню.

— Работаю. В колокола звоню.

Девочка широко раскрыла глаза.

— Это вы сегодня утром звонили?!

— Я.

Улыбка исчезла с её лица.

— А моему папе стало плохо.

Демьян нахмурился.

— Серьёзно?

— Он кашлял и не мог дышать. Мамочка даже скорую вызвала.

Майя кивнула, подтверждая слова дочери.

— А сейчас ему лучше? — спросил Демьян.

— Да. Врач приезжал. Только папа всё равно сердится.

— Надеюсь, он поправится.

— А вы завтра опять будете звонить?

— Буду. Это моя работа.

Мария наморщила лоб, обдумывая услышанное.

— А можно потише?

Демьян не засмеялся.

— Понимаешь, колокола не очень умеют шептать.

Мария вздохнула.

— Жалко.

Демьян хотел попрощаться, когда заметил альбом. Из-под страницы с церковью выглядывал уголок вчерашнего рисунка. Пять ступеней. Маленькая дверь.

— А это что у тебя?

Мария перевернула страницу и подошла к калитке.

— Наш дом. Я его ещё вчера нарисовала.

Она подняла альбом, чтобы Демьян мог рассмотреть рисунок через решётку. Он наклонился ближе.

— А дверь откуда?

— Придумала.

— Придумала?

— Да. В старых домах обязательно бывают тайны.

Демьян долго смотрел на рисунок.

— Ты где-нибудь раньше бывала в Михайловке?

— Нет. Мы только вчера приехали.

Майя заметила, как изменилось его лицо. Она достала блокнот и написала:

«Вы знаете эту дверь?»

Демьян прочитал.

— Нет, — ответил он слишком быстро. — Просто рисунок необычный.

Мария пожала плечами.

— А мне нравится.

Демьян ещё раз посмотрел на пять ступеней.

— Красиво рисуешь.

Он попрощался и пошёл вдоль церковной дорожки. Но, отойдя на несколько шагов, остановился и оглянулся на старый особняк.

Майя всё ещё стояла возле калитки. Она не поверила его ответу.

К вечеру дом изменился. Виктор принёс из машины оборудование, которое Павел обычно использовал во время трансляций: камеры, микрофоны, осветительные панели и дополнительный монитор.

В кабинете установили большой стол из тёмного дерева. За креслом повесили тяжёлую чёрную ткань. На столе появились свечи, старинные книги и металлическая чаша с причудливым орнаментом.

Павел лично проверил расположение каждого предмета. Он не любил случайностей. Особенно когда речь шла о деньгах.

На экране компьютера высветилось сообщение от администратора его закрытой школы: «Мастер, сегодня на занятие записались ещё семнадцать человек. Трое оплатили индивидуальное посвящение. Остальные ждут подтверждения».

Павел усмехнулся. Семнадцать новых учеников за день. Неплохо.

Он открыл таблицу платежей. Суммы радовали глаз.

Одни платили за доступ к лекциям. Другие — за личные консультации. Третьи готовы были отдать целое состояние, лишь бы Мастер Морион назвал их избранными.

Павел прекрасно понимал, что большинство его учеников никогда не достигнет ничего выдающегося. Но они верили. А вера, как он давно убедился, была товаром, за который люди охотно платили.

Впрочем, Павел не считал себя мошенником. Он действительно видел то, чего не видели другие. Иногда знал то, чего знать не мог. И порой события происходили именно так, как он предсказывал.

Пятнадцать лет назад всё изменилось. До того он был человеком с большими желаниями и весьма скромными возможностями. Теперь его знали тысячи людей. Его приглашали на закрытые встречи. Его боялись. Ему завидовали.

И он хорошо помнил, кому обязан этим.

Павел не отрицал помощи Абаддона. Он считал её частью заключённой сделки. Душа была обещана, условия приняты, а значит, всё полученное принадлежало ему по праву.

Так он рассуждал уже пятнадцать лет. И ни разу не позволил себе всерьёз задуматься, почему Абаддон никогда не называл окончательного срока расплаты.

На столе лежал старый серебряный перстень. Павел надел его на указательный палец.

— Сегодня мне понадобится твоя помощь, — негромко произнёс он.

Ответа не последовало.

Павел усмехнулся.

— Как всегда. Появляешься, когда сам захочешь.

Он включил камеру.

В двадцать три часа началась трансляция. На экране появился Мастер Морион.

Теперь Павел выглядел совершенно иначе. Чёрная рубашка, серебряный перстень, спокойный неподвижный взгляд. Свет падал на его лицо так, что глубокие складки возле рта казались ещё резче. За спиной мерцали свечи.

Число зрителей быстро росло. Пятьсот. Тысяча. Две тысячи.

В чате мелькали сообщения:

«Мастер, помогите!»

«Я три года смотрю ваши эфиры».

«Когда будет новый курс?»

«Морион, вы единственный, кто сказал мне правду».

Павел выдержал паузу. Он знал цену молчанию.

Когда зрителей стало почти четыре тысячи, заговорил:

— Доброй ночи тем, кто пришёл за ответами.

Его голос был низким и ровным.

— Сегодня мы поговорим о цене человеческих желаний. Каждый хочет богатства. Любви. Власти. Но мало кто задумывается, чем готов за это заплатить.

Павел слегка улыбнулся.

— Бесплатных даров не бывает.

Он открыл список участников.

— Начнём с вопросов.

На экране появилась женщина лет сорока. Она сидела в небольшой комнате, нервно теребя край кофты.

— Здравствуйте, Мастер. Меня зовут Светлана.

— Я слушаю вас.

— У меня всё рушится. Муж ушёл, работу потеряла. Я не знаю, что делать.

Павел смотрел на экран.

— Вы не всё рассказываете, Светлана.

Женщина растерялась.

— В каком смысле?

Он медленно провёл пальцем по серебряному перстню.

— У вас есть письмо.

Светлана замерла.

— Какое письмо?

— То, которое вы прячете в верхнем ящике комода.

Женщина побледнела.

— Откуда вы знаете?

Павел не ответил. В его сознании на мгновение возникла чужая комната. Старый комод. Белый конверт. И красная лента, которой он был перевязан. Павел узнал этот образ: такие подробности приходили к нему не по собственной воле.

— Письмо от вашей матери, — продолжил Павел. — Вы не открывали его семь лет.

Светлана закрыла рот ладонью.

— Не может быть...

— Вы пришли ко мне за ответом, — холодно произнёс Морион. — Так слушайте.

В чате началось оживление:

«Как он это делает?!»

«Невероятно!»

«Мастер всё видит!»

Светлана заплакала.

— Это правда...

Павел откинулся в кресле. Он почувствовал привычное удовлетворение. Снова получилось.

— Вам необходима индивидуальная работа, — сказал он. — Администратор свяжется с вами.

Женщина благодарила его, не переставая плакать. Павел отключил её микрофон.

Следующим появился молодой мужчина. Потом пожилая женщина. Затем предприниматель, желавший избавиться от конкурента.

Павел выслушивал их с одинаковым спокойствием. Одним обещал помощь. Другим отказывал. Третьим называл суммы, после которых люди надолго замолкали. Но почти никто не уходил.

К полуночи число зрителей перевалило за шесть тысяч.

Павел поднял руку.

— Теперь обращаюсь к моим ученикам.

На отдельном экране появились лица участников закрытой группы. Их было двенадцать. Мужчины и женщины разного возраста. Кто-то сидел перед зажжёнными свечами. Кто-то держал в руках тетрадь. Одна женщина почтительно склонила голову.

— Мастер Морион, мы готовы.

Павел кивнул.

— Сегодня вы должны усвоить главное. Сила не приходит к тому, кто сомневается. Она выбирает тех, кто способен требовать.

Ученики внимательно слушали.

— Не просите у мира разрешения стать сильными, — продолжал он. — Берите то, за чем пришли.

Один из мужчин поднял руку.

— Мастер, а если человек не чувствует никакой силы?

Павел посмотрел на него.

— Значит, он ещё не заслужил её.

— А как понять, что заслужил?

— Когда придёт время, поймёшь.

Павел говорил уверенно. Он привык, что его слова записывают, цитируют и повторяют. Ему нравилось видеть, как взрослые люди ждут его одобрения.

Затем подняла руку молодая женщина по имени Кристина.

— Мастер, можно вопрос?

— Слушаю.

— Почему иногда во время обряда ничего не происходит? Я всё делаю правильно, но не чувствую силы.

Павел посмотрел на неё с лёгким раздражением.

— Потому что ты слишком много ждёшь от первого результата.

— Но вы говорили, что сила приходит к тому, кто готов.

— Я говорил, что готовность нужно доказать.

Кристина опустила глаза.

— Значит, я ещё не готова?

— Возможно.

Павел выдержал паузу.

— Запомните все: настоящий ученик должен научиться терпению. Сила не обязана являться по первому требованию.

Он произнёс эти слова уверенно. Однако сам прекрасно знал, что иногда его собственные обряды тоже оставались без ответа. В такие минуты Павел раздражался сильнее всего. Но ученикам об этом знать не следовало.

— На сегодня достаточно, — объявил он. — Следующее занятие состоится по расписанию.

Экраны погасли один за другим. Павел остался в кабинете один.

Было почти два часа ночи. Свечи на столе продолжали гореть. Павел смотрел на чёрный экран монитора.

— Теперь можем поговорить.

Тишина.

— Я знаю, что ты слышишь.

За его спиной тихо скрипнула половица. Павел даже не обернулся.

— Мне нужна помощь, а не молчание.

Ответ пришёл не сразу. Голос прозвучал спокойно, словно говоривший находился совсем рядом.

— Ты хорошо поработал сегодня, Морион.

Павел усмехнулся.

— Шесть тысяч зрителей. Новые ученики. Хорошие деньги. Разумеется, хорошо.

— Они верят тебе.

— И правильно делают.

— Они готовы следовать за тобой.

— Я это знаю.

Ненадолго воцарилась тишина. Затем голос произнёс:

— Ты становишься влиятельнее с каждым годом.

Павел откинулся в кресле.

— Именно этого я и хотел.

— Я помню.

Он посмотрел на серебряный перстень.

— Но ты так и не объяснил, зачем мне понадобился этот дом.

— Разве он тебе не нравится?

— Не играй со мной.

— Ты получил прекрасный особняк.

— С разваливающейся колонной, старой лестницей и церковью под окнами.

— А ты предпочёл бы дворец?

Павел раздражённо выдохнул.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

— Конечно.

— Тогда отвечай.

Голос не изменился.

— Ты слишком долго пользовался тем, что получил, Павел.

— И что?

— Теперь мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

Павел выпрямился.

— Что именно?

— Узнаешь позже.

— Я не люблю неопределённости.

— А я люблю терпеливых людей.

Павел резко поднялся.

— Утром ты слышал, что со мной произошло?

— Слышал.

— И ничего не сделал?

— Ты остался жив.

Павел сжал кулаки.

— Я задышался!

— Но сейчас дышишь.

Он ударил ладонью по подоконнику.

— Я не для этого заключал сделку!

Тишина затянулась. Павел почувствовал, как в комнате похолодало. Затем голос произнёс:

— Напомнить, для чего ты её заключал?

Павел замолчал. Пятнадцать лет назад он действительно просил о многом. О деньгах. О власти. О признании. О возможности стать человеком, перед которым открываются любые двери. И всё это получил.

— Я свою часть выполняю, — сказал он наконец.

— Разумеется.

— Я работаю. Собираю учеников. Делаю всё, о чём мы договорились.

— И даже больше, Павел.

В этих словах ему послышалось удовлетворение.

— Тогда чего тебе ещё нужно?

— Пока ничего.

Павел медленно повернулся к пустому креслу напротив.

— Пока?

— Не торопи события.

— Я работаю на себя.

— Разумеется, Павел.

Голос стал почти ласковым.

— Именно поэтому ты здесь.

И исчез.

Павел ещё некоторое время стоял посреди кабинета. Потом подошёл к столу и налил себе воды.

Он не боялся. Во всяком случае, так ему казалось.

За пятнадцать лет он привык к голосу, который мог возникнуть в любой момент. Привык к помощи, приходившей тогда, когда она была необходима. Привык к тому, что его желания исполняются.

И давно перестал задумываться, почему Абаддон никогда не произносит слово «бесплатно».

В другом конце дома Мария проснулась от тихого стука. Она открыла глаза. Комната была тёмной. За окном шелестели ветви деревьев.

Стук повторился. Три коротких удара.

Мария села на кровати, подтянув одеяло к подбородку.

— Мамочка? — негромко позвала девочка.

Никто не ответил. Она прислушалась. Звук доносился не из коридора. Казалось, кто-то стучал далеко внизу. Под полом.

«Наверное, старые трубы», — подумала Мария. Так говорил Виктор.

Она уже собиралась снова лечь, когда услышала едва различимый шёпот. Не мужской. Не женский. Словно несколько человек одновременно произнесли одно слово.

— Мария...

Девочка застыла. Сердце забилося быстрее.

— Кто здесь?

Ответа не было. Мария медленно спустила ноги с кровати. Ей хотелось побежать к родителям, но она боялась выйти в тёмный коридор.

И вдруг за её спиной послышался лёгкий шорох. Она обернулась.

На письменном столе лежал раскрытый альбом. Страницы медленно переворачивались сами собой. Одна. Вторая. Третья.

Мария посмотрела на окно. Оно было закрыто. Занавески висели неподвижно. Сквозняка не было.

Девочка почувствовала, как холодеют пальцы.

Страницы остановились. На рисунке старого особняка.

Мария осторожно подошла к столу. Дом. Пять ступеней. Маленькая дверь. Цветок, который нарисовала мама.

Но теперь возле двери появилась ещё одна фигура. Высокий человек в длинном тёмном одеянии. Лица у него не было. Вместо него художник оставил пустое белое пятно.

Мария нахмурилась. Ещё вечером она внимательно рассматривала этот рисунок: возле двери никого не было. И сама она человека не рисовала.

«Может, папа пошутил?»

Но папа никогда не трогал её альбом.

Девочка протянула руку и коснулась рисунка. На пальце остался чёрный след. Грифель размазался. Будто фигуру нарисовали совсем недавно.

Мария резко отдернула руку.

В этот момент из глубины дома снова донёсся стук. Три коротких удара. На этот раз значительно ближе.

— Мамочка! — испуганно позвала девочка.

Она захлопнула альбом, бросилась к двери и выбежала в коридор. Ночник освещал лестницу.

Мария на мгновение остановилась. Ей показалось, что внизу кто-то стоит. Она зажмурилась. Когда открыла глаза, лестница была пуста.

Девочка побежала в спальню родителей.

А внизу, под старой лестницей, за дверью, которой никто не пользовался много лет, раздался тихий скрежет — словно с той стороны кто-то медленно поворачивал заржавевший ключ.

Глава 3. Цена тишины

Октябрь 2026 года. Тверская область. Деревня Михайловка.

Утро началось с колокольного звона.

Павел проснулся ещё до первого удара. Лежал неподвижно, глядя в потолок, и прислушивался к тишине.

Когда колокол наконец загудел, он невольно напрягся. Вчера именно с этого начался приступ: сдавило грудь, перехватило дыхание, а следом пришёл мучительный кашель.

Сегодня ничего подобного не произошло. Павел медленно сел на кровати. Второй удар разнёсся над деревней. Он глубоко вдохнул. Дыхание оставалось ровным.

— Значит, вчера было простое совпадение, — пробормотал он.

Майя проснулась и вопросительно посмотрела на мужа.

— Спи. Всё нормально.

Она потянулась к блокноту.

«Как ты себя чувствуешь?»

— Прекрасно. Если не считать того, что эти фанатики опять разбудили меня в такую рань.

Майя нахмурилась и написала: «Может, сегодня отдохнёшь? Врач ведь советовал обследоваться».

— Майя, со мной всё в порядке.

Он встал и подошёл к окну. За каменной стеной виднелась колокольня. На фоне серого октябрьского неба её силуэт казался особенно тёмным.

— Сегодня я с ними поговорю.

«С кем?»

— Со священником. Или с тем, кто здесь главный.

Майя быстро написала: «Только не ссорься».

Павел обернулся.

— Дорогая, я умею договариваться с людьми.

Она выразительно подняла брови.

— Хорошо, — усмехнулся он. — С большинством людей.

Павел поцеловал жену в лоб и направился в ванную. Майя осталась сидеть. Когда муж говорил, что собирается договориться, это обычно означало, что он уже решил, как всё должно быть.

За завтраком Мария сидела необычно тихо. Перед ней стояла тарелка с кашей, к которой она почти не притронулась.

— Доброе утро, принцесса, — сказал Павел.

— Доброе, папочка.

Он поцеловал дочь в макушку.

— Что такая задумчивая?

— Просто не выспалась.

— Опять до ночи рисовала?

Мария опустила глаза. Она не рассказала родителям, как ночью страницы альбома переворачивались сами собой и на рисунке появилась тёмная фигура возле маленькой двери. Утром она пыталась стереть фигуру ластиком, но линии словно въелись в бумагу.

— Сегодня у тебя занятия? — спросил Павел.

— Да. Математика и русский.

— Вот и занимайся. А вечером покажешь свои рисунки.

— Папочка, а ты куда сегодня пойдёшь?

— К соседям.

— В храм? К батюшке Николаю?

— Ты уже знаешь, как его зовут?

— Демьян рассказывал. Он там в колокола звонит.

— Значит, ты с ним познакомилась.

— Да. Он хороший.

Павел налил кофе.

— Папочка, можно тебя кое о чём попросить? Только не говори сразу «нет».

— Начало многообещающее.

— Я хочу собаку. Маленькую! С короткими лапками и большими ушами. Корги!

Павел рассмеялся.

— Так вот что ты вчера смотрела в интернете.

— Я буду её кормить, гулять с ней, купать и убирать за ней!

— А уроки?

— И уроки буду делать!

— А если она погрызёт мои дорогие ботинки?

Мария наморщила лоб, обдумывая услышанное.

— Тогда я попрошу у неё прощения за то, что оставила ботинки на полу.

Павел расхохотался. Даже Майя беззвучно засмеялась.

— Посмотрим, принцесса.

— Это значит «да»?

— Это значит, что я подумаю.

Когда дочь ушла на занятия, Павел отправил Виктору сообщение: «Найди щенка корги. Девочку. Рыже-белую. Здоровую, с документами. Желательно сегодня».

До храма Павел решил дойти пешком. Он миновал старые яблони и направился к железной калитке в каменной стене. Калитка оказалась заперта. Пришлось обходить усадьбу и выходить на деревенскую дорогу.

К этому времени колокола замолчали. Михайловка постепенно просыпалась: из печных труб поднимался дым, возле дома женщина кормила кур, по дороге проехала старая машина.

После столичной жизни деревня казалась Павлу забытым местом.

— И ради чего я сюда приехал? — негромко произнёс он.

Ответа не последовало. За пятнадцать лет он привык, что иногда достаточно задать вопрос вслух, чтобы услышать знакомый голос. Но сейчас Абаддон молчал.

Возле храма молодой мужчина подметал дорожку.

— Молодой человек!

Демьян поднял голову.

— Доброе утро.

— Это ты сегодня звонил в колокола?

— Я.

— Ваши колокола мешают мне жить.

— Вы из соседнего особняка? Тогда вы, наверное, отец Марии?

— Ты знаком с моей дочерью?

— Вчера разговаривали возле калитки. Хорошая девочка. Она рассказывала, что вам стало плохо после звона.

— Именно. И я хочу, чтобы это прекратилось.

— Вам лучше поговорить с отцом Николаем.

— Где он?

— В храме.

— Позови.

Демьян посмотрел на открытые двери.

— Вы можете пройти сами.

— Молодой человек, когда я прошу позвать человека, обычно его зовут.

Демьян не стал спорить и вошёл внутрь. Павла раздражало, что этот парень совершенно не стремился ему угодить.

Отец Николай вышел через несколько минут. Мужчина лет пятидесяти, с проседью в бороде и спокойными серыми глазами.

— Здравствуйте. Демьян сказал, вы хотели меня видеть.

— Павел Аркадьевич Черепатый. Я новый хозяин соседнего особняка.

— Очень приятно. Отец Николай. Хорошо, что дом наконец приобрёл хозяина.

— Насчёт того, насколько это хорошо, я пока не уверен.

— Почему?

— Из-за ваших колоколов. Вчера мне стало плохо от этого звона. Жена вызвала скорую.

Лицо священника стало серьёзным.

— Как вы себя сейчас чувствуете? Врач вас осмотрел?

— Осмотрел. Сказал, что необходимо обследование. Но я пришёл не за медицинским советом. Мне нужна тишина.

— Полностью отказаться от колокольного звона мы не можем. Это часть богослужебной жизни.

— Сейчас двадцать первый век. Люди пользуются телефонами. Неужели нельзя сообщать о службе другим способом?

— Колокола звонят не только для того, чтобы сообщить о начале службы.

— Для меня это просто шум.

— Я услышал вас.

Павел обвёл взглядом старые стены.

— Вашему храму требуется ремонт. Крыша? Отопление?

— Есть трудности.

— Значит, деньги вам нужны. Я готов пожертвовать пять миллионов рублей.

Отец Николай удивился.

— Это очень большая сумма. Благодарю вас.

— Но есть одно условие. Пока моя семья живёт здесь, колокола должны молчать.

Священник помолчал.

— Вы предлагаете деньги в обмен на прекращение звона? Тогда я не могу принять такое пожертвование.

— Вы понимаете, какую сумму я предлагаю? Пять миллионов!

— Я услышал вас. Но условие принять не могу.

— Хорошо. Семь миллионов.

— Дело не в сумме.

— Десять.

Демьян, стоявший неподалёку, невольно поднял голову.

— Павел Аркадьевич, мой ответ останется прежним.

— Вы отказываетесь от десяти миллионов?

— Я отказываюсь от вашего условия.

— На эти деньги можно отремонтировать весь храм! Почему вы так упрямы?

— Потому что не всё можно купить.

Павел почувствовал, как внутри поднимается злость. Он привык слышать подобные слова от людей, которые ещё не знали предложенной суммы. Но этот священник знал. И всё равно отказывался.

— Давайте пройдем внутрь, — предложил отец Николай. — Здесь прохладно. Я могу предложить вам чай.

— Хорошо. Пять минут.

В храме пахло воском, старым деревом и ладаном. Перед иконами горели свечи. Пожилая женщина негромко молилась у стены.

Павел не испытывал благоговения. Скорее любопытство. Ему казалось удивительным, сколько труда люди готовы отдавать тому, чье существование нельзя доказать обычными средствами. При этом он сам уже пятнадцать лет разговаривал с существом, которого никогда не видел. Для него Абаддон был реальностью, а Бог — человеческой выдумкой.

— Красиво? — спросил отец Николай.

— Для своего возраста неплохо сохранилось.

— Храму больше двухсот лет. Хотите поставить свечу?

— Батюшка, я пришёл по делу, а не за спасением души.

— А разве одно другому мешает?

— Вы всегда так разговариваете? Будто в каждом предложении скрытый смысл.

— Нет. Иногда я просто предлагаю человеку чай.

Павел неожиданно рассмеялся.

Они прошли в небольшое помещение возле храма. Отец Николай поставил чайник.

— Скажите, батюшка, вы действительно верите во всё это?

— Во что именно?

— В Бога. Ангелов. Чудеса. Воскресение мёртвых.

— Верю.

— И никогда не сомневались?

Отец Николай посмотрел ему прямо в глаза.

— Никогда не сомневался в том, что Бог существует.

— Даже когда в жизни случалось что-то плохое?

— Даже тогда. Я мог не понимать, почему Господь допускает те или иные события. Мог плакать, сердиться, задавать вопросы. Но никогда не сомневался, что Он есть.

— Удобная позиция. Всё хорошее от Бога, а всё плохое объясняется Его непостижимой волей.

— Вера не освобождает человека от боли, Павел Аркадьевич. И не даёт ответов на все вопросы.

— Тогда какая от неё польза?

— В Евангелии есть притча о человеке, который тоже полагался прежде всего на своё богатство. Позвольте расскажу.

— Только коротко.

— Жил однажды богатый человек. Его поля принесли такой большой урожай, что ему стало негде хранить зерно. Тогда он решил снести старые житницы и построить новые, гораздо больше прежних.

— Разумное решение.

— Он тоже так считал. И сказал самому себе: теперь у меня запасов на много лет. Буду отдыхать, есть, пить и наслаждаться жизнью.

— И что же здесь плохого?

— А ночью Бог сказал ему, что в эту самую ночь его жизнь закончится. И спросил: кому тогда достанется всё, что он накопил?

— Наследникам, разумеется. Для этого люди и составляют завещания.

— Богатство останется. Но сам человек не сможет взять его с собой.

— Значит, по-вашему, богатым быть грешно?

— Нет. Не богатство делает человека грешником. Беда начинается тогда, когда человек считает деньги своей единственной опорой и забывает, что жизнь ему не принадлежит.

Павел откинулся на спинку стула.

— Моя жизнь принадлежит мне, батюшка.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

— Если завтра у вас отнимут всё, кроме жизни, вы останетесь собой?

— Я снова заработаю.

— А если у вас отнимут саму жизнь?

— Тогда мне уже будет всё равно.

— Вот об этом и притча, Павел Аркадьевич. Человек может владеть огромным состоянием, но не способен купить себе даже один лишний день.

— Вы хотите меня напугать смертью?

— Нет. Я хочу, чтобы вы помнили о жизни. Вы сказали, что у вас есть дочь?

— Есть. Мария.

— Вы её любите?

Лицо Павла изменилось.

— Больше жизни.

— Тогда вы уже знаете, что на свете существует нечто дороже денег.

Павел ничего не ответил. Не потому, что согласился со священником. Ему просто не понравилось, что незнакомый человек заговорил о его дочери.

Когда они вышли из храма, Демьян заканчивал подметать дорожку. Он поднял голову, посмотрел на Павла и вдруг замер.

— Подождите... А я ведь вас знаю.

— Неужели?

— Вас по телевизору показывали. В новостях говорили, что вы победитель «Битвы экстрасенсов».

Павел довольно улыбнулся.

— Было такое.

— Точно! Мастер Морион, кажется?

— Именно.

— Я тогда ещё удивился, что люди в такое верят.

Улыбка Павла стала холоднее.

— А ты, значит, не веришь?

— Я в Бога верю, — просто ответил Демьян.

— Понятно. Ещё один.

Отец Николай спокойно посмотрел на молодого звонаря.

— Демьян, закончи дорожку, пожалуйста.

— Сейчас, батюшка.

Павел уже собирался уходить, когда Демьян невольно взглянул на его дорогие часы, потом на безупречно сшитое пальто.

— А правда, что за победу вам большие деньги дали? — неожиданно спросил он.

— Деньги я заработал гораздо позже. И намного больше.

— Ясно, — тихо произнёс Демьян.

Павел заметил его взгляд.

— Нравится красиво жить?

Демьян немного смутился.

— А кому не нравится?

— Вот именно, молодой человек. Кому не нравится...

Павел улыбнулся и направился к калитке.

Демьян проводил его глазами. Он не верил в колдовство и считал подобные передачи телевизионным развлечением. Но дорогие часы Павла ему понравились. Очень.

— Не завидуй, Демьян, — негромко произнёс отец Николай.

— Я не завидую, батюшка.

Священник ничего не ответил. Демьян снова взял метлу, но теперь думал о том, сколько нужно зарабатывать, чтобы однажды купить себе такие часы.

Павел возвращался домой быстрым шагом. Его раздражал сам отказ. В последние годы люди редко говорили ему «нет».

Он остановился возле каменной стены, достал телефон и набрал Виктора.

— Узнай, кому принадлежит земля вокруг храма. Собственник, границы участка, документы. Всё. И отдельно выясни, кто отвечает за состояние колокольни.

Он завершил разговор. Если священник не хотел принимать деньги, придётся искать другой способ.

Вдруг Павел почувствовал знакомое присутствие: словно кто-то стоял совсем рядом.

— Ну что? Доволен?

— Ты расстроен, — спокойно произнёс голос Абаддона.

— Я предложил им десять миллионов. И этот человек отказался.

— Бывает.

— Со мной — нет.

— Теперь бывает.

— Ты мог бы помочь. Сделать так, чтобы они согласились.

— Зачем? Ты привык, что любое препятствие нужно уничтожить. Иногда препятствие полезнее оставить на месте.

— Не понимаю.

— Ты многое пока не понимаешь.

— Мне нужно, чтобы колокола замолчали.

— А мне нужно, чтобы ты оставался здесь.

— Одно другому не мешает.

— Пока не мешает.

Голос исчез. Павел ещё несколько секунд стоял неподвижно, потом направился к дому.

Майя встретила мужа в прихожей и сразу поняла, что разговор прошёл плохо.

— Невероятное упрямство! Предложил им десять миллионов на ремонт. Представляешь?

Майя вывела на экране: «За что?»

— За тишину.

Она медленно опустила ручку. «Ты предложил священнику деньги, чтобы он запретил звонить в колокола?»

— Именно.

Майя посмотрела на него с таким выражением, что Павел всё понял.

— Только не начинай.

«Ты же знал, что он может отказаться».

— Я не предполагал, что он окажется настолько глуп.

«Может быть, дело не в глупости».

— И ты туда же? Хорошо, не будем об этом. Как Мария?

«На занятиях».

— Отлично. Вечером у меня снова эфир.

Он поцеловал жену в щёку и ушёл в кабинет. Майя подошла к окну. За садом виднелся золотистый купол. Затем её взгляд переместился к лестнице в холле. Она вспомнила рисунок Марии: пять ступеней и маленькую дверь.

Ближе к вечеру позвонил Виктор.

— Павел Аркадьевич, я нашёл щенка. Девочка корги, рыже-белая, с документами. Заводчик в Твери.

— Здоровая?

— Есть ветеринарный паспорт. Можно осмотреть перед покупкой.

— Отлично. Договорись, я сам приеду.

— Вы лично? Я могу забрать.

— Нет. Я хочу выбрать.

До вечернего эфира оставалось достаточно времени. Впервые за день Павлу не хотелось думать о священнике и колоколах.

Щенок оказался меньше, чем Павел ожидал. Рыже-белая девочка-корги сидела на мягком покрывале. У неё были большие уши, короткие лапки и тёмные любопытные глаза.

— Очень ласковая, — сказала заводчица. — Но характер уже показывает.

Павел присел перед щенком.

— Ну, здравствуй.

Корги подошла и ткнулась мокрым носом в его ладонь.

— Смелая.

Щенок попытался ухватить его за палец.

— И наглая.

Павел осторожно поднял её на руки. Та устроилась у него на груди так уверенно, словно они были знакомы всю жизнь.

— Ладно, малышка. Поедешь знакомиться с хозяйкой.

Виктор с удивлением наблюдал за хозяином. За годы работы он видел Павла раздражённым, холодным, властным, но редко — таким.

— Переноску подготовить?

— Конечно. И всё необходимое купи по списку заводчицы. Корм, лежанку, игрушки.

Корги лизнула Павла в подбородок. Он рассмеялся.

Мария сидела в гостиной и рисовала, когда услышала звук машины.

— Мария! — позвал отец.

— Иду!

Девочка выбежала в холл. Павел стоял возле лестницы, держа на руках маленький рыже-белый комочек.

— Папочка... Это мне?

— А кому же ещё?

Мария закрыла рот ладонями.

— Настоящая?!

— Самая настоящая.

Щенок шевельнул ушами. Мария осторожно протянула руку, и корги лизнула ей пальцы.

— Папочка! Она меня поцеловала!

— Значит, вы понравились друг другу.

Он опустился на колено и передал щенка дочери. Девочка сияла от счастья.

— Только помни, это не игрушка. За ней нужно ухаживать.

— Я знаю, папочка! Обещаю!

Мария опустила малышку на ковёр. Корги неуклюже прошлась по гостиной и вдруг побежала за собственным хвостом.

Павел сел на ковёр рядом с дочерью.

— Ну и что мы будем с тобой делать, маленькая хулиганка?

Щенок попытался ухватить его за рукав.

— Эй! Это дорогая рубашка!

Мария расхохоталась.

Майя появилась в дверях и остановилась. Перед ней была редкая картина: муж сидел на полу, смеялся и играл со щенком. Майя улыбнулась.

— Мамочка, смотри! Папа подарил мне корги!

Майя присела и погладила малышку. Та попыталась забраться к ней на колени.

— Осталось самое главное, — сказал Павел. — Имя.

Мария наморщила лоб, обдумывая услышанное.

— Юки!

— Юки? Необычно.

— А ей подходит.

— Ну что, Юки? Согласна?

Корги звонко тявкнула.

— Она согласна! — обрадовалась Мария.

Павел обнял дочь за плечи.

— Тогда добро пожаловать в семью, Юки.

Позже Мария устроила щенку место возле своей кровати. Майя помогла положить мягкую лежанку и поставить миску с водой.

— Ты теперь моя подружка, — прошептала Мария. — Я тебя никому не отдам.

Девочка посмотрела на альбом. На рисунке высокая фигура в тёмном одеянии по-прежнему стояла возле маленькой двери.

— Смотри, Юки. Я не знаю, кто это нарисовал. Страшный, правда?

Корги понюхала край страницы, отвернулась и улеглась обратно.

— Значит, тебе не страшно.

Мария закрыла альбом. С Юки рядом ей казалось, что бояться будет меньше.

Вечером Павел готовился к эфиру. Проверил камеры, открыл список учеников, просмотрел платежи.

Он вспомнил, как Мария обнимала щенка, как улыбалась Майя. Его лицо смягчилось.

— Ради них, — негромко произнёс он.

Он действительно любил семью и был уверен, что всё, чего достиг, однажды достанется дочери: дом, деньги, влияние. Он не сомневался, что способен обеспечить Марии счастливое будущее.

Он не знал лишь одного: не всё, что человек получает, становится его собственностью.

После полуночи Павел завершил трансляцию, выключил камеру и откинулся в кресле.

— Я сделал всё, как ты хотел.

— Ты ещё ничего не сделал, Павел.

— Тогда объясни, что тебе нужно.

— Терпение.

— Мне надоело это слово.

— Знаю.

Павел подошёл к зеркалу возле книжного шкафа.

— Зачем именно этот дом?

— Ты скоро узнаешь.

— Ты обещал мне власть.

— И дал её.

— Богатство.

— И его тоже.

— Тогда почему я должен терпеть унижения от какого-то деревенского священника?

— Потому что не всякая власть измеряется деньгами.

— Ты решил читать мне нравоучения?

— Нет. Я хочу, чтобы ты кое-что понял. Этот дом стоял здесь задолго до тебя.

— И что?

— И простоит после.

— Это угроза?

— Это напоминание.

— Я не люблю, когда со мной разговаривают загадками.

— Тогда начни задавать правильные вопросы.

— Например?

— Почему прежние хозяева так и не открыли дверь под лестницей?

Павел замер. За дверью кабинета начинался коридор, а дальше находилась старая лестница, возле которой Виктор обнаружил закрытый проход.

— Что за ней? Я спрашиваю, что за дверью!

Тишина. Павел положил руку на дверную ручку и вдруг услышал последние слова Абаддона:

— Не всё, что спрятано, принадлежит тебе.

Павел открыл дверь. Коридор был пуст. Внизу горел одинокий светильник. Он медленно направился к лестнице.

Мария уже лежала в кровати. Юки спала на мягкой лежанке возле неё.

Девочка никак не могла уснуть. Она думала о папе. Сегодня он подарил ей самое настоящее счастье.

— Спасибо тебе, папочка, — прошептала она.

Юки тихонько засопела. Мария закрыла глаза.

Через несколько минут из коридора донеслись тяжёлые шаги. Девочка узнала походку отца: он спускался вниз.

Вдруг Юки подняла голову. Её большие уши насторожились. Она посмотрела на дверь.

— Что такое, малышка?

Корги поднялась. Шерсть на загривке слегка приподнялась. Юки издала тихое, непривычное рычание.

— Юки?

Щенок смотрел на закрытую дверь комнаты, потом отступил на шаг.

Внизу хлопнула дверь. Юки резко тявкнула.

И в тот же миг весь дом погрузился в темноту.

— Мамочка! — вскрикнула Мария.

Щенок бросился к кровати. Девочка подхватила Юки и прижала к груди.

В темноте снова слышались шаги. Но теперь они были не тяжёлыми, как у отца. Лёгкими. Медленными. Словно кто-то поднимался по лестнице босиком.

— Не бойся, Юки, — прошептала Мария дрожащим голосом. — Я с тобой.

Она ещё не знала, что очень скоро эти слова придётся произносить совсем по другой причине.

Глава 4. Чужие шаги

Октябрь 2026 года. Деревня Михайловка.

1

Свет погас во всём доме одновременно.

Павел стоял возле лестницы, когда последний светильник в холле мигнул и погрузился во тьму.

— Только этого не хватало!

Он достал телефон и включил фонарик.

Узкий луч осветил старинные перила, тяжёлую мебель и портрет незнакомого мужчины, висевший на стене.

Павел уже собирался вызвать Виктора, когда услышал шаги.

Кто-то медленно поднимался по лестнице.

Он направил свет вверх.

Никого.

Шаги продолжались.

Тихие, почти неслышные. Словно босые ноги осторожно касались деревянных ступеней.

— Майя?

Ответа не последовало.

Павел поднялся на несколько ступеней.

Звук прекратился.

Он постоял, прислушиваясь.

— Мария, это ты?

Сверху донёсся испуганный голос дочери:

— Папочка!

Павел быстро поднялся на второй этаж.

Дверь детской была закрыта.

Он распахнул её.

Мария сидела на кровати, крепко прижимая к себе Юки.

Щенок тихо рычал.

— Что случилось?

— Папочка, там кто-то ходит!

— Где?

— За дверью!

Павел осветил коридор.

— Никого нет.

— Но я слышала!

Он присел возле кровати.

— Принцесса, это старый дом. Здесь скрипят полы, лестница, двери. А когда выключается свет, любой звук кажется страшнее.

— Но Юки тоже слышала.

Павел посмотрел на щенка.

Корги перестала рычать, однако продолжала настороженно смотреть в сторону двери.

— Юки у нас ещё маленькая. Ей всё непривычно.

Мария прижалась к отцу.

— Ты посидишь со мной?

— Конечно.

Он обнял дочь.

Через несколько минут появилась Майя с фонариком.

Увидев Марию на руках у мужа, она испуганно подошла ближе.

— Всё хорошо, — сказал Павел. — Просто испугалась темноты.

Мария покачала головой.

— Мамочка, я слышала шаги.

Майя посмотрела на мужа.

Павел пожал плечами.

— Я тоже что-то слышал. Наверное, старые доски.

Майя не стала спорить.

Но когда они укладывали дочь спать, она заметила, что Юки ни на секунду не сводит глаз с двери.

2

Утром Виктор приехал раньше обычного.

Павел встретил его в холле.

— Разберись с электричеством. Ночью весь дом отключился.

— Уже проверяю, Павел Аркадьевич.

— И выясни, почему здесь скрипит лестница.

Виктор посмотрел на старые ступени.

— Дому много лет.

— Я заметил.

— Дерево рассыхается. Ночью температура меняется, поэтому могут быть звуки.

— Тогда найди мастера.

— Хорошо.

Павел задержал его.

— И ещё. Ты выяснил что-нибудь насчёт храмовой земли?

— Пока только предварительно. Участок оформлен отдельно от вашей усадьбы. Документы ещё проверяю.

— Продолжай.

Виктор кивнул.

Он работал у Павла с начала 2011 года.

За эти пятнадцать лет многое изменилось.

Когда они познакомились, Павел ещё не был настолько богат и знаменит. У него уже имелись деньги, но не было нынешней роскоши, огромного штата помощников и бесконечных телевизионных приглашений.

Виктор помнил, как хозяин покупал первую дорогую машину.

Как переезжал в новый дом.

Как постепенно перестал сам отвечать на большинство телефонных звонков.

Но было кое-что, что оставалось неизменным.

Павел любил жену и дочь.

Виктор не раз видел, как суровый хозяин отменял важные встречи, если Мария заболела, и как терпеливо ждал, пока Майя напишет ему длинное сообщение в блокноте.

Сам Виктор семьи не имел.

Ему исполнилось сорок пять.

Он никогда не был женат, детей у него не было. В Твери у него оставалась небольшая квартира, куда он возвращался в свободные дни.

Чистая кухня.

Телевизор.

Несколько книг.

И тишина.

Раньше одиночество его устраивало.

Но в последние годы он всё чаще ловил себя на мысли, что возвращаться туда не хочется.

В доме Черепатых его хотя бы кто-то ждал.

Особенно Мария.

Она всегда спрашивала, пообедал ли дядя Витя, и иногда приносила ему собственноручно нарисованные открытки.

Виктор хранил их в машине, в отдельной папке.

◆ ◆ ◆

Проверка электрического щита ничего не дала.

Автоматические выключатели находились в рабочем положении.

Следов перегрева не было.

Виктор вызвал электрика, а сам решил осмотреть лестницу.

Он прошёл по ступеням несколько раз.

Дерево действительно поскрипывало.

Но не так, как описывала Мария.

У подножия лестницы находилась небольшая дверь.

Старая, тёмная, с металлической ручкой.

Виктор остановился возле неё.

Он уже пытался открыть её в день переезда.

Безуспешно.

Замочная скважина была узкой, необычной формы.

Виктор наклонился и осмотрел замок.

— Интересно...

Он провёл пальцем по деревянной раме.

Пыль лежала ровным слоем.

Но возле нижнего края двери заметил тонкую светлую полосу.

Будто кто-то недавно провёл там влажной тряпкой.

Виктор нахмурился.

Он точно помнил, что уборщицы к этой двери не подходили.

Из-за спины послышался голос:

— Дядя Витя!

Виктор обернулся.

Мария стояла на лестнице с Юки на руках.

— Доброе утро, солнышко.

— А ты что делаешь?

— Проверяю, почему у нас дом скрипит.

Мария посмотрела на маленькую дверь.

— А ты знаешь, что там?

— Пока нет.

— А папа знает?

— Думаю, тоже нет.

Девочка помолчала.

— Мне кажется, там кто-то живёт.

Виктор улыбнулся.

— Кто же?

Мария не ответила.

Она смотрела на дверь.

Юки вдруг заёрзала у неё на руках.

— Тише, малышка.

Щенок тихо заснул.

Виктор заметил это.

— Она боится?

— Да. Особенно ночью.

Он посмотрел на дверь ещё раз.

— Ладно, Мария. Пойдём отсюда. Здесь пока пыльно.

Девочка послушно направилась наверх.

А Виктор остался.

Ему не понравилась светлая полоска под дверью.

Совсем не понравилась.

3

Майя любила утренние часы.

Когда Павел уходил в кабинет, Мария занималась с преподавателями, а в доме становилось тихо, она могла наконец побыть одна.

В этот день Майя устроилась возле большого окна библиотеки.

На столике лежала книга об истории Индии.

Рядом стояла чашка чая.

Из небольшого проигрывателя звучала старая индийская песня.

Женский голос пел о любви и разлуке.

Майя закрыла глаза.

Эту мелодию она помнила с детства.

Когда-то она слышала её в доме матери, далеко отсюда, в Индии.

Тогда жизнь казалась простой.

Утреннее солнце.

Запах пряностей.

Голоса соседей.

Музыка, доносившаяся из открытых окон.

Она любила свою родину.

Любила её шумные улицы, яркие ткани, запах жасмина после дождя.

Но некоторые воспоминания Майя старательно отгоняла.

Особенно те, что относились к 2011 году — к событиям в Индии, после которых её жизнь изменилась навсегда.

Она открыла глаза и сделала глоток чая.

В России Майя прожила уже много лет.

Она хорошо читала и писала по-русски, любила русскую литературу, особенно длинные семейные романы, в которых судьбы нескольких поколений переплетались между собой.

Книги стали для неё особенным миром.

Мария родилась в начале 2017 года. К тому времени Майя уже шесть лет жила без голоса: она потеряла его после страшных событий в Индии в 2011 году.

Врачи проводили обследования, предлагали лечение, но объяснить всё происходившее так и не смогли.

Павел обращался к специалистам в разных странах.

Майя была благодарна ему за это.

Однако со временем перестала ждать чуда.

Она научилась жить без голоса.

Писала в блокноте.

Общались сообщениями.

Использовала жесты.

Но иногда, когда звучала любимая индийская песня, ей хотелось хотя бы на мгновение снова запеть.

Не ради окружающих.

Для себя.

Майя провела пальцами по горлу.

Потом закрыла книгу.

В дверях появилась Мария.

— Мамочка, можно к тебе?

Майя улыбнулась и раскрыла объятия.

Девочка забралась к ней на диван.

Юки устроилась рядом.

— Какая красивая песня.

Майя взяла блокнот.

«Её пели у нас дома, когда я была маленькой».

— В Индии?

Она кивнула.

— Мамочка, а ты когда-нибудь отвезёшь меня туда?

Майя замерла.

Вопрос оказался неожиданным.

«Ты хочешь увидеть Индию?»

— Очень! Ты ведь там родилась.

Майя улыбнулась.

Но улыбка быстро исчезла.

Мария заметила это.

— Мамочка, тебе грустно?

Женщина погладила дочь по волосам.

«Просто вспомнила прошлое».

— А хорошее?

Майя долго смотрела на страницу.

Потом написала:

«Разное, моя девочка».

Мария прижалась к матери.

— Тогда давай вспоминать только хорошее.

Майя обняла её крепче.

Если бы всё было так просто.

4

Дом отца Николая стоял неподалёку от храма.

Небольшой деревянный дом с зелёными ставнями, аккуратным крыльцом и садом, в котором ещё держались последние осенние цветы.

Елизавета с самого утра хлопотала на кухне.

В духовке пёлся пирог с яблоками.

На столе стоял чайник.

Отец Николай сидел у окна и просматривал записи о предстоящих службах.

— Коля, ты опять без завтрака собираешься уйти? — спросила Елизавета.

— Сейчас, Лиза.

— Ты это уже десять минут говоришь.

Он улыбнулся.

— Тогда иду.

Елизавета поставила перед ним тарелку.

Ей было сорок восемь лет.

Она не любила дорогих украшений и яркой одежды, но всегда выглядела аккуратно.

В деревне её уважали.

Она помогала пожилым прихожанам, готовила еду для общих трапез и часто собирала вещи для нуждающихся семей.

При этом Елизавета совсем не была тихой и безропотной женщиной.

Если муж забывал поесть или слишком много работал, она без колебаний делала ему замечание.

— Что-то ты сегодня задумчивый, — сказала она.

Отец Николай отложил ложку.

— Вчера познакомился с новым соседом.

— С тем, который особняк купил?

— С ним.

— И как он тебе?

Священник немного помолчал.

— Человек непростой.

— Богатый?

— Очень.

Елизавета улыбнулась.

— Это я и без тебя знаю. Там одни машины чего стоят.

— Он предложил десять миллионов на ремонт храма.

Елизавета замерла с полотенцем в руках.

— Сколько?!

— Десять миллионов.

— Коля!

— Но с условием.

— Каким?

— Чтобы мы перестали звонить в колокола.

Елизавета медленно села.

— Вот оно что...

— Я отказался.

Она посмотрела на мужа.

— Правильно сделал.

— А ведь крыша течёт.

— Знаю.

— И отопление нужно переделывать.

— И это знаю.

Елизавета протянула руку и накрыла его ладонь своей.

— Но нельзя же продавать тишину храма, Коля.

Он улыбнулся.

— Именно так я ему и сказал.

Некоторое время они сидели молча.

Потом Елизавета вздохнула.

— Жалко его.

— Почему?

— Человек столько денег имеет, а спокойно жить не может.

Отец Николай посмотрел в окно.

— Возможно, он просто ещё не нашёл того, что ищет.

В дверь постучали.
Елизавета поднялась.
— Наверное, Варвара.
На пороге стояла молодая девушка в светлом пальто.
Длинные русые волосы были собраны в косу.
На щеках от холодного воздуха появился румянец.
— Здравствуйте, тётя Лиза!
— Заходи, Варенька. Замёрзла?
— Немножко.
— Садись, чай налью.
— Я ненадолго. Хотела спросить насчёт воскресной службы.
Варваре было двадцать четыре года.
Она работала медсестрой в районной больнице.
Работа была нелёгкой.
Иногда после ночной смены девушка едва находила силы добраться домой.
Но по выходным, когда позволял график, она приходила в храм и пела на клиросе.
Петь Варвара любила с детства.
Её голос был чистым, мягким, удивительно красивым.
Она никогда не мечтала о большой сцене.
Ей нравилось просто петь.
— В воскресенье сможешь? — спросил отец Николай.
— Если меня не вызовут на смену, обязательно.
— Хорошо.
Елизавета поставила перед ней чай.
— А как у вас в больнице?
Варвара вздохнула.
— Пациентов много. Вчера почти весь день на ногах.
— Беречь себя надо.
— Стараюсь.
Девушка улыбнулась.
— Только у нас в отделении это не всегда получается.
В этот момент во двор вошёл Демьян.
Он нёс небольшой ящик с инструментами.
Увидев Варвару через открытое окно, невольно остановился.
Потом поправил воротник куртки.
Елизавета заметила это и улыбнулась.
— Демьян пришёл.
Через минуту молодой звонарь появился в дверях.
— Здравствуйте.
— Заходи, — сказал отец Николай.
Демьян посмотрел на Варвару.
— Привет.
— Привет, Дёма!
Она улыбнулась ему совершенно свободно, как старому знакомому.
— Ты опять что-то ремонтируешь?
— На колокольне крепление проверял.
— Ты там скоро жить будешь.
— А что? Вид хороший.
Варвара рассмеялась.

— Только холодно.

Демьян сел напротив неё.

— Как работа?

— Как всегда. Бегаем.

— Устаёшь?

— Конечно.

Он хотел сказать что-нибудь ещё, но не нашёл слов.

Варвара же спокойно рассказывала Елизавете о больничных заботах.

Она относилась к Демьяну тепло.

Но только как к другу.

Они знали друг друга много лет.

Он помогал ей донести тяжёлые сумки, иногда встречал после поздней службы, шутил и рассказывал деревенские новости.

Варвара ценила его доброту.

Когда у Варвары случались тяжёлые смены, она не жаловалась. Демьян однажды видел, как она после работы ещё час объясняла растерянной пожилой женщине, куда обратиться за помощью. И всё же о собственных бедах Варвара говорить не любила.

Но никогда не замечала, как меняется его лицо, когда она улыбается другому мужчине.

◆ ◆ ◆

Когда Варвара собралась уходить, Демьян сразу поднялся.

— Я тебя провожу.

— Да тут недалеко.

— Мне всё равно по дороге.

Они вышли за калитку.

Осенний ветер шевелил последние листья.

— Ты чего такой задумчивый? — спросила Варвара.

— Да так.

— Что-то случилось?

— Нет.

Они прошли несколько шагов.

— Слушай, Варя, а ты хотела бы жить в большом доме?

Она удивлённо посмотрела на него.

— В каком смысле?

— Ну, чтобы денег много было. Машина дорогая. Всё, что захочешь.

Варвара рассмеялась.

— От хорошей зарплаты я бы не отказалась.

— А от богатого мужа?

— Дём, ты чего?

Он пожал плечами.

— Просто спрашиваю.

Варвара задумалась.

— Мне важно, чтобы человек хороший был. А деньги... Конечно, с ними легче. Но если рядом неприятный человек, никакой дом не поможет.

Демьян опустил глаза.

— Понятно.

— Ты странный сегодня.

— Да нет.

Она улыбнулась.

— Ладно, мне пора. До воскресенья!

— Пока, Варя.

Демьян остался стоять возле дороги.

Он смотрел, как девушка удаляется.

Ему хотелось верить, что однажды она посмотрит на него иначе.

6

К вечеру Павел готовился к закрытому занятию.

Это был не обычный эфир для широкой публики.

Доступ получали только ученики, оплатившие обучение.

На экране появлялись лица людей из разных городов.

Кто-то сидел в затемнённой комнате.

Кто-то заранее приготовил свечи.

Другие держали перед собой тетради.

— Сегодня, — произнёс Павел, глядя в камеру, — мы поговорим о силе намерения.

Он говорил уверенно.

Красиво.

Каждое слово было рассчитано.

Ученики внимательно слушали.

Для них Мастер Морион был человеком, которому открыты тайны, недоступные другим.

Павел рассказывал о древних обрядах, символах и силе воли.

Он умел производить впечатление.

Иногда демонстрировал вещи, которые зрители не могли объяснить.

Однажды назвал человеку содержание письма, которое тот ещё не успел открыть.

В другой раз описал предмет, спрятанный в закрытой коробке.

Его слава строилась не только на красивых словах.

Но никто из учеников не знал, откуда на самом деле приходили ответы.

Павел не произносил имя Абаддона во время занятий.

Он вообще никогда не рассказывал о существе, с которым заключил сделку пятнадцать лет назад.

Для зрителей всё происходящее было проявлением его личного дара.

И Павел не собирался разрушать эту легенду.

◆ ◆ ◆

Когда занятие закончилось, он выключил камеру.

— Доволен? — негромко спросил он.

Ответ прозвучал из пустоты.

— Ты сегодня был убедителен.

— Как всегда.

— Не всегда.

Павел усмехнулся.

— Ты опять недоволен?

— Я наблюдаю.

— За чем?

— За тем, как ты меняешься.

Павел откинулся в кресле.

— Люди меняются.

— Да. Особенно когда начинают бояться потерять то, что получили.

— Я ничего не боюсь.

Наступила пауза.

— Даже потерять дочь?

Лицо Павла мгновенно изменилось.

— Не смей.

Голос остался спокойным.

— Я лишь задал вопрос.

— Никогда не произноси её имя в подобных разговорах.

— Я не произносил имени.

Павел поднялся.

— Мария не имеет отношения к нашему договору.

Ответа не последовало.

— Ты слышишь меня?

— Слышу.

— Тогда запомни.

Голос стал едва различимым.

— Я помню гораздо больше, чем ты, Павел.

После этого наступила тишина.

Павел долго стоял посреди кабинета.

Впервые за много лет ему захотелось разбить что-нибудь тяжёлое.

Но он сдержался.

Подошёл к окну.

За садом темнела церковная стена.

7

В субботу утром Павел вышел на террасу с чашкой кофе.

Ночь прошла спокойно.

Электрик так и не обнаружил серьёзных неисправностей.

Виктор пообещал пригласить специалиста по старым деревянным лестницам.

Павел постепенно начал убеждать себя, что все странности дома объясняются его возрастом.

Из храма донёсся колокольный звон.

Он раздражённо поморщился.

— Опять началось.

Павел уже собирался вернуться в дом, когда вслед за колоколами услышал пение.

Сначала тихое.

Потом более отчётливое.

Женский голос поднимался над осенним садом.

Павел остановился.

Он не разобрал слов.

Но голос был удивительно чистым.

В нём не было ни показной силы, ни желания произвести впечатление.

Девушка просто пела.

И почему-то Павлу захотелось дослушать.

Он поставил чашку на перила.

Несколько минут стоял неподвижно.

За спиной открылась дверь.

Майя вышла на террасу.

Увидев мужа, она вопросительно посмотрела на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.